

*Ольга Емсева*

# МАСКИ

ПИКОВОЙ ДАМЫ



Ольга Елисеева  
**Маски Пиковой дамы**

«ВЕБКНИГА»

2022

**Елисеева О. И.**

Маски Пиковой дамы / О. И. Елисеева — «ВЕБКНИГА», 2022

ISBN 978-5-235-04710-5

Кого именно Александр Сергеевич Пушкин скрыл под масками главных героев «Пиковой дамы»? Принято называть всего пару имен современников и соотечественников поэта. Тем временем за спиной пушкинских персонажей выстраивается целый ряд исторических фигур, известных далеко за пределами России. Швеция, Австрия, Франция, Неаполь – где только не оставили следы таинственные «дамы», их мнимые убийцы и скромные воспитанницы! Автор книги, известный историк и писатель Ольга Елисеева, показывает глубокий отпечаток, который наложило на повесть восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, и рассматривает многочисленные намеки на членов царской фамилии. Под ударом оказываются Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, императрица Мария Федоровна, ее невестки Елизавета Алексеевна и Александра Федоровна, а также монархи европейских государств и их министры. Книга написана живым ярким языком и будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-235-04710-5

© Елисеева О. И., 2022

© ВЕБКНИГА, 2022

# Содержание

Вступление	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# **Ольга Елисеева**

## **Маски Пиковой дамы**

© Елисеева О. И., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2022

## Вступление «Во мгле мутной и желтоватой»

Начнем с желтого платья. Этому цвету как-то особенно не повезло у Пушкина. В него Александр Сергеевич наряжал наименее симпатичных персонажей. Старухе-графине из «Пиковой дамы» после бала горничные помогают снять желтый туалет. Другая Старуха-покойница в «Гробовщике» «лежала на столе, желтая как воск, но еще не обезображенная тлением». Звездочет и «скопец», весь «как лебедь поседельный», дарит Золотого петушка. За желтым платьем хотят послать к придворной повивальной бабке в «Капитанской дочке», когда Марию Ивановну велено доставить во дворец к Екатерине II...

Уже из этого далеко не полного перечисления<sup>1</sup> видно, что желтое маркирует для Пушкина старость, в том числе и историческую. А также царскую власть, если осознать, что в понятие желтого входит и золото – от жаркого в венце до тусклого: Медный всадник преследует Евгения, «озарен луною бледной». Даже выюга, из которой выныривает Германн, имеет оттенок желтизны, поскольку герой отходит от светящегося в темноте фонаря. В повести «Метель» сказано: «...окрестности исчезли; во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу». Метель же с вьющимся, как бесы, снегом часто имеет inferнальный смысл: «...все казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. <...> ...ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу».

Одновременно желтое и цвет безумия – таковы не просто стены петербургских особняков пушкинского времени, создающие декорацию для перевернутого мира «Пиковой дамы». Таков в тот момент Зимний дворец, привычный нам в зеленом, растреллиевском варианте. Такова Петропавловская крепость. Такова и Обуховская больница – «желтый дом», упоминаемый и в стихах, и в прозе Пушкина. Все вместе поведет к царственному помешательству, которое уже дважды – в 1762 и 1801 годах служило поводом для государственных переворотов...

Это заставляет рассматривать исторический пласт «Пиковой дамы» очень внимательно. Являясь историком, автор не может вторгаться в сугубо литературоведческие сферы. Однако существует целый букет ассоциаций прошлого, понятных тогдашнему читателю и ускользающих от нашего современника. Возвращение таких сведений в круг изучаемой информации способно помочь исследованию повести.

Около двух десятилетий назад появилась статья, в которой мы настаивали на том, что основными прототипами героев «Пиковой дамы» были Екатерина II и Николай I<sup>2</sup>. За прошедшие годы возникли новые доказательства, а сама концепция претерпела серьезные изменения, включив в веер рассмотренных возможностей десятки имен. Ныне нити расследования уводят к Петру I, Павлу I и Александру I, к императрицам Елизавете Алексеевне и Александре Федоровне. Под лупой непрошеного внимания оказываются пушкинские светские знакомые – дружное семейство Хитрово – Тизенгаузен – Фикельмон. А знаменитые властные старухи того времени – Голицына и Загряжская – становятся не более чем прототипами прикрытия.

Чтобы та или иная параллель с текстом повести стала очевидна, иногда приходится углубиться в детали биографий героев. Обнаруживается длинный список дам-иностранок, поделившихся с графиней Анной Федотовной Томской той или иной чертой своей личности. Это и неаполитанская королева Мария Каролина, и ее несчастная сестра, казненная Мария Антуанетта, и мать канцлера Клеменса фон Меттерниха, являвшаяся в виде призрака своей бере-

<sup>1</sup> Словарь языка А. С. Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1. С. 800.

<sup>2</sup> Елисеева О. И. Тот самый Сен-Жермен. Кто скрывается за образами «Пиковой дамы» // Родина. 2000. № 6. С. 17–20.

менной невестке... И шведская баронесса Брита де Бём из пушкинского эпиграфа к пятой главе, сведшая с ума духовидца Эммануила Сведенборга.

Менее всего нам хотелось бы внушить читателю мысль, будто Пушкин бесконечно шифровал свои тексты в надежде на талантливое отгадчика. Такая логика обесценивает реально существующие произведения, а именно они и пленяют читателей. Но в сознании поэта роилось такое количество аналогий, что в настоящий момент риск неверно соединить их выше, чем риск обнаружить нечто, чего в пушкинском мире не существовало.

С лица Пиковой дамы следует снимать маску за маской, пока под дряблой желтой кожей не откроется лицо молодой красавицы в желтом платье.

## **Часть первая** **«Старушка мирная»**



### **Глава первая** **«Ненастные дни»**

Принято считать, что в «Пиковой даме» два потока времени. Они заметны невооруженным глазом и хорошо знакомы читателю. То, что было «до», во времена молодости графини, когда она ездила в Париж и познакомилась с Сен-Жерменом. И то, что происходит «сейчас», на наших глазах, когда Германн пытается выведать у старухи ее три «верные карты». Но «пусть потрудятся сами читатели»<sup>3</sup>, как призывал Федор Михайлович Достоевский.

Если приглядеться, то каждый из названных потоков слоится, разбивается, как река, на рукава.

#### **«В забавном расположении духа»**

Это расслоение, пребывающее внутри себя в хрупкой гармонии, заложено уже эпиграфом к первой главе «Пиковой дамы», вернее его подслоем.

А в ненастные дни  
Собирались они  
Часто;  
Гнули – Бог их прости! —  
От пятидесяти  
На сто,  
И выигрывали,  
И отписывали  
Мелом.  
Так, в ненастные дни,  
Занимались они  
Делом.

Только ленивый и неосведомленный не вспомнил агитационных песен декабристов. Однако в советское время намеренная «лень» культивировалась. Она была формой искусствен-

---

<sup>3</sup> Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Гл. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 11. С. 303.

ного незамечания, натужного зажмуривания глаз на очевидное. То, о чем все знали. Однако говорить, иначе чем в своем кругу, не решались. Печать молчания сломал Натан Яковлевич Эйдельман, обратив внимание читателей на то, что «строчки “А в ненастные дни...” были частью сверхкрамольного агитационного декабристского стихотворения... это настолько очевидно, что в конце прошлого и начале нынешнего века специалисты готовы были допустить: ... что все опасные куплеты написал Пушкин»<sup>4</sup>.

Оба текста даже печатались одно время как единое стихотворение. Эпиграф написан в качестве продолжения песни<sup>5</sup>. Заглянем в ее начало.

Ты скажи, говори,  
Как в России цари  
Правят.  
Ты скажи поскорей,  
Как в России царей  
Давят.  
Как капралы Петра  
Провожали с двора  
Тихо.  
А жена пред дворцом  
Разъезжала верхом  
Лихо.  
Как курносый злодей  
Воцарился по ней —  
Горе!  
Но Господь, русский Бог  
Бедным людям помог  
Вскоре<sup>6</sup>.

К агитационной песне осталась отсылка в тексте «Пиковой дамы». Во второй главе Томский предлагает прислать бабушке-графине «русские романы». Анна Федотовна просит «такой роман, где бы герой не давил ни отца, ни матери...». Слово «давил» является маркером и отмечает связь с не приведенными в эпиграфе, но подразумеваемыми стихами из недавнего прошлого. Словно читателю говорят: да-да, вы правильно догадались.

Стихи агитационной песни были написаны как бы в складчину поэтами-декабристами, известными литераторами того времени, друзьями Александром Александровичем Бестужевым и Кондратием Федоровичем Рылеевым. Первый показал на следствии, что «однажды в 1822 году, в конце, в забавном расположении духа, пригласил он (Рылеев. — О. Е.) меня написать что-нибудь народным языком либеральное, и песню “Ах скучно мне...” написали мы вместе, а некоторые подблюдные я один»<sup>7</sup>.

Уж вы вейте веревки на барские головки;  
Вы готовьте ножей на сиятельных князей;  
И на место фонарей поразвешаем царей...

---

<sup>4</sup> Эйдельман Н. Я. «А в ненастные дни...» // Звезда. 1974. № 6. С. 206.

<sup>5</sup> Еситов В. М. Пушкин в зеркале мифов. М.: Языки славянской культуры; Изд-во А. Кошелев, 2006. С. 211.

<sup>6</sup> Декабристы: Антология: В 2 т. / Сост. Вл. Орлов. Л.: Художественная литература, 1975. Т. 1. С. 330.

<sup>7</sup> Восстание декабристов: Документы / Под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского. М.; Л., 1925–1986 (Материалы по истории восстания декабристов). Т. 1. С. 457.

Куда забавнее? Популярная в то время песня Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого начиналась словами: «Ох, тошно мне / На чужой стороне». У Бестужева с Рылеевым звучала обратная мысль:

Ах, тошно мне  
И в родной стороне;  
Все в неволе,  
В тяжкой доле,  
Видно, век вековать?  
.....  
Уж так худо на Руси,  
Что и боже упаси!

Из переписки поэта видно, что и эти строки, и песню про заветные «...острова, / Где растет трин-трава» Пушкин хорошо знал. «Ты, который не на привязи, – писал он Петру Андреевичу Вяземскому 27 мая 1826 года из Михайловского, где находился в ссылке, – как можешь ты оставаться в России? если царь даст мне *слободу*, то я месяца не останусь»<sup>8</sup>. Настроение было общим. Хотя действия разными.

Признание Бестужева показывает, что Пушкин не сочинял ни агитационных, ни подблюдных песен. Но в дни следствия очень боялся, что его стихи сочтут крамольными и привлекут к делу мятежников именно за них, тем более что списки оды «Вольность», стихотворений «Ноэль на лейб-гусарский полк» и «Кинжал» нашли у многих заговорщиков. 10 июля 1826 года он обращался к тому же корреспонденту:

---

<sup>8</sup> Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ. ред. Д. Д. Благого и др.; послесл. Д. Д. Благого. М.: Гослитиздат, 1959–1962. Т. 9. С. 233.



Александр Сергеевич Пушкин. *И. Е. Вивьен. 1826 г.*

«Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд. Если уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сейчас в петлю. <...>

Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если б я был потребован комиссией

(следственной. – О. Е.), то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру»<sup>9</sup>.

После поездки в Москву и разговора с новым императором Николаем I Пушкин оказался в шатком положении прощенного до следующей каверзы, до следующего повода для недовольства. В самом начале следствия, еще 20 января 1826 года, он адресовался к Василию Андреевичу Жуковскому, готовому хлопотать за него: «...Положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условиться (буде условия необходимы)... Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мной правительства etc.»<sup>10</sup>.

Не вдаваясь в обсуждение беседы поэта с царем, отметим, что «условия» появились. Согласно рассказу самого Николая I, он спросил: «“Что вы бы сделали, если бы 14 декабря были в Петербурге?” “Был бы в рядах мятежников”, – отвечал Пушкин без запинки. “Когда потом я спрашивал его, – продолжал император, – переменялся ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать впредь иначе, если я пушу его на волю, он очень долго колебался и только после длинного молчания протянул мне руку с обещанием сделаться иным”»<sup>11</sup>.

Сколько раз отечественное литературоведение раскаивалось за Пушкина в этом рукопожатии! А сам поэт? В 1835 году в переводе Горация Пушкин рассказал о времени, когда «за призраком свободы» его и молодых друзей «Брут отчаянный водил»:

Когда я, трепетный квирит,  
Бежал, нечестно брося щит,  
Творя обеты и молитвы?  
Как я боялся! как бежал!  
Но Эрмий сам незапной тучей  
Меня покрыл и вдаль умчал  
И спас от смерти неминучей.

Эрмий – Гермес в более привычном для современного читателя звучании. Он обладал не только крылатыми сандалиями и зеркальным щитом, но и шапкой-невидимкой, которой поделился с Персеем. Пушкин был укрыт от глаз следствия «незапной тучей», а его «вольнo-любивая лирика» молодых лет стала как бы невидимой.

Однако эпиграфом к первой главе «Пиковой дамы» поэт отсылал читателя не только к знаменитой песне «Ты скажи, говори...», но и ко всему корпусу созданных «народным языком» либеральных стихов, а также к именам Бестужева и Рылеева.

### «Кому вынется?»

Проследим эту связь, поскольку она плотно соприкасается с идеей царевубийства, в момент создания повести остро волновавшей Пушкина. Все подблюдные песни проникнуты открытой угрозой:

Как идет мужик из Новагорода,  
.....  
Он ни плут, ни вор, за спиной топор;  
А к кому он придет, тому голову сорвет.

---

<sup>9</sup> Там же. С. 235–236.

<sup>10</sup> Там же. С. 223.

<sup>11</sup> Корф М. А. Воспоминания // Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками: В 2 т. / Сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. М.: Правда, 1987. Т. 2. С. 44.

Или

Вдоль Фонтанки-реки квартируют полки.  
.....

Разве нет штыков на князьков-сопляков?

Разве нет свинца на тирана-подлеца?

Под «князьками-сопляками» понимались великие князья Николай и Михаил, руками которых августейший брат Александр I старался «подтянуть гвардию». Их тоже предлагалось поднять на штыки. Речь шла уже не об убийстве одного «тирана-подлеца», а об уничтожении царской семьи. Как в пушкинской оде «Вольность»:

Самовластительный злодей,  
Тебя, твой трон я ненавижу.  
Твою погибель, смерть детей  
С жестокой радостию вижу.

«Смерть детей», ведь рано или поздно «князьки-сопляки» подрастут и начнут вешать сами. «И я бы мог, как шут...» Ассоциации закручиваются в декабрьскую метель. Эта метель обнимет Германна. И снова вспомнится Бестужев:

Нес кузнец  
Три ножа.  
Слава!  
Первый нож —  
На бояр, на вельмож.  
Слава!  
Второй нож —  
На попов, на святош.  
Слава!  
А, молитву сотворя,  
Третий нож – на царя.  
Слава!

Припев: «Кому вынется, тому сбудется; / А кому сбудется, не минуется» – оказался пророческим. А что как не вынется? Не сбудется? 14 декабря 1825 года на Сенатской площади восставшим «не вынулось».

Одно мгновенье все решило,  
Одно мгновенье погубило  
Навек страны моей родной  
Надежду, счастье и покой... —

как писал Рылеев в «Войнаровском».

После следствия мятежников ожидала неминуемая казнь, поскольку они – в подавляющем большинстве военные люди – нарушили присягу и подняли оружие против того, кому присягали. Только помилование императора спасло большинство голов. Но пятеро оказались повешены, что навсегда оставило в сердце Пушкина глубокий отпечаток.

Среди повешенных «друзей, братьев, товарищей» был и Рылеев, сам талантливый поэт, подбивший более слабохарактерного Бестужева на сочинение крамольных стихов.

Его отношения с Пушкиным нельзя назвать простыми. В канун высылки молодого поэта на юг в столичном обществе распространился порочащий дворянина слух, будто за крамольные стихи Сверчка (арзамасское прозвище) отвезли в крепость и высекли.

Долгие годы клеветником называли только графа Федора Ивановича Толстого-Американца, знаменитого авантюрами выходками, поединками и широкой карточной игрой<sup>12</sup>. Однако сам Александр Сергеевич считал виновником салонных разговоров еще и Кондратия Федоровича Рылеева, который возмущал гостиные рассказом о жестокости императора. Об этом некрасивом поступке писал еще Владимир Владимирович Набоков<sup>13</sup>. Однако в исследованиях советского времени имя второго клеветника выпало, поскольку он вошел в пантеон героев-мучеников 14 декабря, а с ними Пушкину полагалось только дружить.

Есть сведения, что по дороге на юг Пушкин завернул в имение Рылеева Батово и стрелялся с собратом по перу<sup>14</sup>. Позднее в «Евгении Онегине» поэт скажет о друзьях:

Что нет презренной клеветы,  
На чердаке вралем рожденной  
И светской чернью ободренной,  
Что нет нелепицы такой,  
Ни эпиграммы площадной,  
Которой бы ваш друг с улыбкой,  
В кругу порядочных людей,  
Без всякой злобы и затей,  
Не повторил стократ ошибкой;  
А впрочем, он за вас горой:  
Он вас так любит... как родной!

Возможно, этими событиями объясняется то отстраненное чувство к Рылееву, которое заметно в пушкинских письмах с юга. Исследователи объясняют его идейными расхождениями: де, Рылеев, стихотворец-гражданин, воспринимал поэзию как нечто служебное, агитационное. А для Пушкина она сама по себе представляла святыню. Как бы там ни было, но Кондратию Федоровичу начали «подсвистывать» за каждую публикацию. То его стихи «отучат меня от поэзии», то «Думы» – «дрянь», то на вратах Царьграда у Рылеева Олег прибывает щит с двуглавым орлом, который в тот момент был гербом Византии, а не Руси<sup>15</sup>.

Но после казни пятерых руководителей заговора Пушкин не оставит ни одного прямого отрицательного отзыва о Кондратии Федоровиче. Мученичество искупило его вину в глазах поэта. Другие не были столь душевно щедры. Журналист и филолог консервативного направления Николай Иванович Греч, например, ставил Рылееву в вину, что тот «погубил» Бестужева, человека более талантливого и образованного, способного стать русским Виктором Гюго. «Фанатизм Рылеева силен и заразителен, – писал он в мемуарах, – и потому неудивительно, что необразованный Рылеев успел увлечь за собой людей, которые были несравненно выше его во

---

<sup>12</sup> *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки: 1960–1990; Евгений Онегин: Комментарий / Вступ. ст. Б. Ф. Егорова. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 55.

<sup>13</sup> *Набоков В. И.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПБ; Набоковский фонд, 1998. С. 357–358.

<sup>14</sup> *Чернов А. Ю.* Длятся ночи декабря: Поэтическая тайнопись: Пушкин – Рылеев – Лермонтов. СПб.; М.: Летний сад; [б. и.], 2008. С. 17–19.

<sup>15</sup> *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. С. 57, 59, 62.

всех отношениях, например Александра Бестужева... Если бы не Рылеев, то талантливый, блестящий, благородный Бестужев занял бы почетное место в первом ряду русских писателей»<sup>16</sup>.

Греч хорошо знал обоих, еще по сотрудничеству в альманахе «Полярная звезда», который создал Бестужев. Пушкин дружески переписывался с последним в период южной ссылки. За порогом следствия сношения прервались. Бестужев раскаялся и отвечал на вопросы о Рылееве откровенно: «Хотя он был лучший мой друг, но для истины не скрою, что он был главною пружиною предприятия; воспламеняя всех своим поэтическим воображением и подкрепляя своею настойчивостью»<sup>17</sup>. Согласно его показаниям, они вместе по наущению Кондратия Федоровича летом 1825 года уговорили капитана Александра Ивановича Якубовича и поручика в отставке Петра Григорьевича Каховского выстрелить в царя. Рылеев же предложил самому Александру Бестужеву нанять двух убийц, а его братьям, флотским офицерам, поднять восстание в Кронштадте и снарядить фрегат для отправки обезглавленной царской семьи за границу<sup>18</sup>.

Этот темный эпизод в иносказательной форме Александр Бестужев (под своим литературным псевдонимом Марлинский) описал в повести «Фрегат “Надежда”», вышедшей в 1833 году<sup>19</sup>. Там герои плывут к берегам Англии – тем самым островам, «где растет тринтрава», но гибнут уже на рейде от внезапно поднявшегося шторма. Отсюда в «Пиковой даме» издевательское упоминание новых русских романов и замечание графини, что ей нужны такие книги, «где бы не было утопленных тел. Я ужасно боюсь утопленников!». При отплытии из Кронштадта герои Бестужева слышат сквозь туман семь выстрелов – как раз по числу членов царской семьи, находившихся в момент бунта в Петербурге. Так что утоплены могли оказаться именно тела...

«С промежутками, одно за другим гремели огромные орудия, грозно, таинственно, повелительно! Вы бы сказали: “То голос судьбы, которому вторило небо...” Правин (герой повести. – О. Е.) внимал им, как будто своему приговору... Наконец, седьмой, последний выстрел сверкнул и грянул, как седьмая, роковая пуля во Фрейшице (марка пистолета. – О. Е.)... Кажется, роковые звуки превратились в иероглифы, подобные надписи, начертанной огненным перстом на стене пиршества для Валтасара!.. <...> Дунул ветер и спалхнул эту величественную строфу, этот дивный очерк судьбы!»<sup>20</sup>

В этом описании слишком много черт далекого, грядущего цареубийства – неоправданная надежда спасения, направленная в Англию, семь выстрелов, утопленные тела, строки на стене из предсказания Валтасару – чтобы оно не обращало на себя внимания исследователя.

Повесть «Фрегат “Надежда”» считается исповедью декабриста, который далеко не все сказал на следствии. Ведь Рылеев был готов поддержать предложение Павла Ивановича Пестеля об убийстве всей царской семьи<sup>21</sup>. А Бестужев многое об этом слышал. Недаром в его тексте рефреном повторяется: «Пусть нас судит Бог и государь!»; «Вы дорогою ценою купите горькое раскаяние»; «Я знаю важность моей вины, знаю требования чести». На следующий день после восстания на Сенатской площади писатель сам явился к императору. «Мучимый совестью, он прибыл прямо во дворец, – вспоминал Николай I, – на комендантский подъезд,

<sup>16</sup> Греч Н. И. Записки о моей жизни / Под ред. П. С. Усова. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1886. С. 393–394.

<sup>17</sup> Восстание декабристов: Документы. Т. 1. С. 444.

<sup>18</sup> Лебедев Н. М. «Отрасль Рылеева» в северном обществе декабристов // Очерки из истории движения декабристов: Сборник статей. М.: Госполитиздат, 1954. С. 388–403.

<sup>19</sup> Лейтон Л. Дж. Эзотерическая традиция в русской романтической литературе. Декабризм и масонство. СПб.: Академический проект, 1995. С. 99–104.

<sup>20</sup> Бестужев-Марлинский А. А. Повести / Сост., вступ. статья и примеч. В. И. Кулешова. М.: Правда, 1986. С. 421.

<sup>21</sup> Захаров Н. С. Петербургское совещание декабристов в 1824 году // Очерки из истории движения декабристов. С. 97–101.

в полной форме и шеголем одетый... с самым скромным и приличным выражением подошел ко мне и сказал:

– Преступный Александр Бестужев приносит вашему величеству свою повинную голову»<sup>22</sup>.

### «Отвечай! или я отвечу»

Александр Бестужев действительно очень любил Кондратия Рылеева как друга и действительно очень раскаивался перед Николаем I. В 1829 году ему разрешили отправиться из Сибири на Кавказ. Еще находясь в снегах, он встретился с немецким ученым доктором Георгом Адольфом Эрманом, участником экспедиции, измерявшей магнитное поле земли. Бестужев рассказал, что именно события на Сенатской площади поколебали его убеждения: «Хорошо известно, как император в тот день, продемонстрировав презрение к смерти, вызвал чувства раскаяния у самых благородных бунтовщиков и усмирил толпу». Узник «не мог без содрогания рассказывать, как государь подошел к нему и с беспредельным презрением во взгляде напомнил о верности покойного генерала Бестужева и подлости его сына»<sup>23</sup>. Ни содержание в кандалах в Петропавловской крепости, ни картина гибели товарищей не смогли стереть из его памяти «тот единственный момент».

Письма Бестужева с Кавказа братьям Николаю и Ксенофону Полевым тоже показывают это чувство. Он поминает милость царя, ставит за него свечи. Но вот к Александру Сергеевичу старый друг питал совсем иное чувство. Признавал его «человеком с гением», но считал, будто тот «заблудился в XVIII веке», несмотря на то что «вдохновение увлекает Пушкина в новый мир». Для истории «Пиковой дамы» эта отсылка к XVIII столетию весьма любопытна. «Что такое поэма Пушкина? – Прелестные китайские тени». Весь Петербург в повести будет наполнен тенями, а дом графини – тенями прошлого.

24 мая 1832 года, находясь в Дербенте, Бестужев рассуждал: «Итак знаменитый Белкин – Пушкин! Никогда бы не ожидал я этого... Впрочем, и не мудрено: в Пушкине нет одного поэтического, души, а без ней плохо удается и смиренная проза»<sup>24</sup>. 22 сентября: «Я всегда знал его за бесхарактерного человека, едва ли не за безнравственного». И делал парадоксальное заключение о прежнем оживленном эпистолярном обмене: «В несколько лет этой переписки он судит совершенно противоположно об одних и тех же лицах. А между тем, я верю его искренности»<sup>25</sup>.

Зависть к гению? Гений надо еще разглядеть, а на это были способны далеко не все современники. «Рылеев и Александр Бестужев, вероятно, признавали себя такими же вкладчиками в сокровищницу будущей русской литературы, как и Пушкин»<sup>26</sup>, – рассуждал Петр Вяземский. Их отношение – одна из форм «тайной недоброжелательности». Она проявлялась, несмотря на братские чувства: «Он вас так любит... как родной!» Когда-то Гаврила Романович Державин сам передал корону первого поэта России не по старшинству, тем, кто давно стоял в очереди, а мало кому известному мальчику. Теперь, когда Пушкин достиг зенита славы, за ним замечали малейший промах и даже успех трактовали не в его пользу. «Я с большим наслаждением

<sup>22</sup> Николай I. Записки // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: ОЛМА-Пресс, 2000–2002 (Архив). Т. 1. С. 108.

<sup>23</sup> Erman G. A. Travels in Siberia. V. I. Philadelphia, 1850. P. 293–294.

<sup>24</sup> Бестужев А. А. Письма к Н. А. и К. А. Полевым // <https://sv-scena.ru/Buki/Pisjma-k-N-A-i-K-A-Polyevym.16.html> – Дата обращения 13.12.2021.

<sup>25</sup> Бестужев А. А. Письма к Н. А. и К. А. Полевым // <https://sv-scena.ru/Buki/Pisjma-k-N-A-i-K-A-Polyevym.19.html> – Дата обращения 13.12.2021.

<sup>26</sup> Вяземский П. А. Записки // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацура и др.; вступ. ст. В. Э. Вацура. М.: Художественная литература, 1985 (Серия литературных мемуаров). Т. 1. С. 59.

читал статью о Державине, – сказано в письме 26 января 1833 года, – я с большим огорчением огляделся кругом, прочитавши ее... где он, где преемник гения, где хранитель огня Весты? Я готов, право, схватить Пушкина за ворот, поднять его над толпой и сказать ему: стыдись! Тебе ли, как болонке спать на солнышке перед окном, на пуховой подушечке детского успеха? Тебе ли поклоняться золотому тельцу, слитому из женских серег и мужских перстней?» Со всей тирадой примиряет только финал: «Таинственный сфинкс, отвечай! Или я отвечу за тебя».

Не стоило и пытаться, хотя по-своему «Фрегат “Надежда”» хорош. Но Пушкин ответил. Если не всей «Пиковой дамой» (ее сюжет зрел давно и независимо от Бестужева), то в ее отрывках. Поэтому не стоит удивляться, что разговор графини с внуком содержит насмешку над новыми русскими романами, помянув именно утопленников Марлинского. А также тому, что в эпиграфе к первой главе Пушкин переиначил агитационную песню Рылеева – Бестужева не без тени иронии.

Еще недавно иронию упорно не замечали и в десятой главе «Евгения Онегина» при описании тайного общества. Только обиженный отзыв Николая Ивановича Тургенева помог разобраться, что, помещая «дружеские споры» о переустройстве мира «между Лафитом и Клико», поэт говорил о «забаве взрослых шалунов», которой те заняты от «безделья молодых умов»<sup>27</sup>.

То же самое на следствии сказал и Бестужев: «Входя в общество по заблуждению молодости и буйного воображения, я думал через то принести пользу отечеству... Приманка новизны и тайна также немало в том участвовала и мало помалу завлекла меня в преступные мысли. С девятнадцати лет стал я читать либеральные книги, и это вскрыло мне голову. Впрочем, не имея никакого положительного понятия, я, как и все молодые люди, кричал на ветер без всякого намерения»<sup>28</sup>. Ветер окреп до декабрьского.

Если можно было вести вольные разговоры под выпивку, то тем более – во время карточной игры. «Так, в ненастные дни, / Занимались они / Делом». Дело же воспринималось, как «общее» – республика.

Однако если многие стихи молодого Пушкина связывает с агитационными песнями общее настроение (недаром заговорщики в Лещинских лагерях под Киевом использовали его «Вольность» и «Кинжал» именно для привлечения офицеров), то зрелый поэт смотрел на «дело» иными глазами.

В 1830 году он писал: «Умные и честные литераторы станут ли кричать: повесим их, повесим! И аристократов к фонарю»<sup>29</sup>. В пространной статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», предназначенной для «Литературной газеты», Пушкин отвечал неназванному лицу<sup>30</sup>, отметившему: «Эпиграммы демократических писателей XVIII столетия... приготовили крики: Аристократов к фонарю и ничуть не забавные куплеты с припевом: Повесим их, повесим»<sup>31</sup>. По звучанию и смыслу последние слова – параллель с «забавным настроением», в котором Рылеев и Бестужев написали народным языком свои либеральные песни. Таким образом, в годы создания «Пиковой дамы» сам Пушкин уже не находил их «забавными».

А вот в начале XIX века молодые острословы легко переделали слова французской писательницы Жермены де Сталь, сказанные во время визита в Россию Александру I: «Государь, ваш характер есть конституция вашей империи, а ваша совесть – ее гарантия». Именно на них император отвечал: «Я лишь счастливое исключение». Исключение из правила, установ-

<sup>27</sup> Цит. по: Лотман Ю. М. О композиционной функции «Десятой главы» «Евгения Онегина» // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя... С. 469.

<sup>28</sup> Восстание декабристов: Документы. Т. 1. С. 431.

<sup>29</sup> Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. С. 338.

<sup>30</sup> Юлиан Григорьевич Оксман считал этим лицом, «вероятно А. И. Дельвига». Юрий Михайлович Лотман приписывал слова самому Пушкину.

<sup>31</sup> Там же. С. 551.

ленного дворцовыми переворотами. Если учесть, что за плечами Александра I стояли мятеж 1801 года и неявное соучастие в отцеубийстве, то нетрудно понять, как из комплимента получилась шутка: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой».

Цепочка ассоциаций: «самовластие, ограниченное удавкой» – «царей давят» – «...герой не давил бы ни отца, ни матери» – побежала к «Пиковой даме». Под «героем» понимается император. Но если он «давил... отца», значит, не может считаться героем. Тогда кто герой? Читателю придется потрудиться. Да и нам вместе с ним.

Слова мадам де Сталь представляют собой перефразировку замечания французского публициста революционной поры Никола Шамфора: «Правление во Франции было абсолютной монархией, ограниченной сатирическими песнями». То есть смеющимся общественным мнением<sup>32</sup>. Именно такое общественное мнение и старались представить «забавные» агитационные песни Рылеева и Бестужева. Но «у нас, – как писал Петр Вяземский Николаю Тургеневу в 1820 году по поводу испанской революции, – что ни затей, все выйдет Пугачевщина»<sup>33</sup>. Русский бунт «бессмысленный и беспощадный». Отсюда и упования на «удавку» как меньшее зло по сравнению с гражданской войной, широким кровопролитием, бунтом.

### «Славная шутка»

«Славная шутка» госпожи де Сталь приведена Пушкиным в последнем абзаце заметки «О русской истории XVIII века». Этот текст написан в 1822 году молодым поэтом в Кишиневе, в южной ссылке и представляет собой нечто вроде выводов, которые узник сделал, прочитав памфлеты Шарля Массона «Россия в царствование Екатерины Второй» и князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», взятые у приятеля, чиновника Н. С. Алексея, казначея ложи «Овидий», где состоял и Пушкин. Текст заметки, начинавшийся словами «По смерти Петра...», остался в Кишиневе, когда поэт переехал в Одессу.

После освобождения Пушкина из ссылки в 1826 году Алексеев писал ему несколько раз и, вероятно, предлагал вернуть рукопись, для чего и снял копию, чтобы оставить у себя. Но поэт не проявил интереса к старому тексту. Возможно, потому, что он заключал короткий конспект прочитанных книг, которые теперь имелись в библиотеке самого Александра Сергеевича. А возможно, потому, что заметка стала «вчерашним днем»<sup>34</sup>. Выводы 23-летнего читателя<sup>35</sup> были уже по-новому переосмыслены взрослым писателем. С учетом отправной точки рассуждений, без полного отказа от них, но с иной эмоциональной и философской контаминацией.

Таким образом, если под эпитаф к Первой главе «Пиковой дамы» как бы подложена агитационная песня «Ты скажи, говори...», то под нее саму поэт поместил собственную заметку «О русской истории XVIII века», что видно из отсылки к «славной шутке» про удавку.

Слово «шутка» адресует к разговору Германна и Старухи. За все время графиня произносит только одну фразу: «Это была шутка... Клянусь вам! это была шутка!» Ее незваный гость возражает: «Этим нечего шутить». Так мог бы сказать император, арестовав «взрослых шалунов» после событий на Сенатской площади. В лексиконе того времени слово «шут», ради приличия, заменяло слово «чорт», например, говорили: «Шут его знает». «Шутку» с графиней сыграл лукавый.

<sup>32</sup> Лотман Ю. М. Еще о «славной шутке» мадам де Сталь // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя... С. 365.

<sup>33</sup> Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб.: Шереметев, 1899–1913. Т. 2. Ч. I. С. 49.

<sup>34</sup> Эйдельман Н. Я. «По смерти Петра...» // Прометей. Историко-биографический альманах: Т. 10. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 350.

<sup>35</sup> Спеша согласиться с хлесткими оценками молодого Пушкина из заметки «О русской истории XVIII века», убежденные седины авторы часто забывают рассказать читателям обстоятельства ее создания: какие тексты лежали в основе, сколько лет было поэту, в каком эмоциональном состоянии он находился в момент Южной ссылки и т. д.

Так думал зрелый Пушкин. А вот молодым он придерживался иных взглядов. По структуре заметка «О русской истории XVIII века» близка агитационной песне. Начало этого небольшого текста посвящено эпохе «ничтожных наследников северного исполина» – от «безграмотной» Екатерины I до «сладоострастной Елисаветы». Центральная часть отдана разбору «прав Екатерины на благодарность русского народа». А последний абзац отведен царствованию Павла I, вернее его свержению.

В агитационной песне начало: «Как в России цари / Правят. <...> Как в России царей / Давят» – говорит об эпохе дворцовых переворотов в целом, то есть о том, что происходило «по смерти Петра...». Центральные куплеты содержат описание мятежа 1762 года – «Как капралы Петра провожали с двора... / А жена пред дворцом разъезжала верхом». Наконец, последние четверостишия ушли на царствование «курносого злодея» Павла I и на помощь «русского бога», то есть на цареубийство 1801 года.

Таким образом, иронизируя над агитационной песней, Пушкин иронизирует и над собой молодым, что встречает параллель с десятой главой «Евгения Онегина», где среди заговорщиков назван и сам поэт: «Читал свои ноэли Пушкин». Зрелый автор смотрел как бы со стороны на «забавы взрослых шалунов», не отрекался от себя в кругу «друзей, братьев, товарищей», а передумывал и усложнял свое видение того момента. «И с отвращением читая жизнь мою... Но строк печальных не смываю».

Настолько же, насколько текст «Пиковой дамы» связан с песней Рылеева – Бестужева, а вернее со всем корпусом их агитационных и подблюдных песен, он связан и с заметкой «О русской истории XVIII века», представляя собой художественное раскрытие ее тем, их переложение на язык образов, передумывание и значительное углубление сказанного когда-то в юности.



Портрет Пиковой дамы в виде карты. А. Н. Бенца. 1911 г.



Императрица Екатерина II. П. Ротари. 1762 г.

Учитывая это, проще разобраться с пластами времени, обозначенными в повести «Пиковая дама». Прошлое графини – это «новейшая» русская история применительно к жизни Пушкина, то есть от Петра до Павла. Она разбивается агитационной песней и заметкой «О русской истории XVIII века» еще на три потока. Эпоха переворотов вообще. «Мятеж среди петергофского двора» 28 июня 1762 года. Убийство «самовластного злодея» Павла I в 1801 году.

Настоящее – период, когда, собственно, и происходят события петербургской повести. Здесь в силу вступает пушкинский эпиграф. «Ненастные дни», когда некие «они» «занимались делом» – момент подготовки переворота, «забавы взрослых шалунов» уже не за лафитом, а за картами. Второй момент – само восстание на Сенатской площади, следов которого в тексте очень много. Третий – период после поражения, когда у офицеров остаются только шампанское, карты и разговоры о деньгах. Ничего высокого. В какой именно период «настоящего» Германн узнает тайну трех «верных карт» и вступает в противоборство с судьбой – предмет особого рассмотрения.

Как видим, оба потока времени – и XVIII, и XIX век – расслаиваются еще на две триады. Или «тройки», учитывая картежный язык повести. Внутри каждой от основных русел отходят

еще маленькие рукава. Например, эпизод, когда «лет шестьдесят назад», то есть в 1770-е годы, графиня ездила в Париж, а также отсылки к французской революции. Эти рукава никуда не ведут и обрываются, однако позволяют времени ветвиться.

Следует учитывать и особую нишу, где находится сам автор, рассказывая историю. Он отделен от всего мира и в то же время пребывает везде. Это седьмой если не поток времени, то озеро, спокойная гавань. Или «семерка».

Наконец, все имеющиеся временные линии в повести сдвигаются вместе – накладываются друг на друга. Происходит то же, что позволяет исследователям видеть в парижской гостиной времен Регентства из «Арапа Петра Великого» следы одесской гостиной графини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, а в самих дамах искать сходство – не всегда оправданное, но очень соблазнительное<sup>36</sup>. Стоило бы сюда же прибавить и петербургскую гостиную Татьяны-княгини. В «Пиковой даме» такое наложение еще более масштабно, поскольку во всех временных линиях оживают прототипы главных героев. Из-за плеча старой графини Анны Федотовны выглядывает добрая дюжина разных женщин, каждая из которых поделилась свойственными ей чертами с персонажем и каждая, в той или иной мере, скрывает за собой историческое лицо, определившее главный очерк физиономии Старухи.

Такое абсолютное время, которое господствует в «Пиковой даме», сродни вечности. Оно и соответствует тузу.

---

<sup>36</sup> Цявловская Т. Г. «Храни меня мой талисман» // Там же. С. 59–63.

## Глава вторая

### Виды «тайной недоброжелательности»

Как мы и предупреждали, начнем расследование с наряда. В сцене возвращения графини с бала ее раздевают горничные: «Желтое платье, шитое серебром, упало к ее распухлым ногам». Отметим попутно, что под старость ноги распухали у Екатерины II, случалось, она не могла подниматься по лестнице, из-за чего принимавшие ее вельможи заменяли ступени «отлогими подмостками»<sup>37</sup>. И сейчас можно видеть пандус в Царском Селе за Камероновой галереей, где пожилая императрица любила сиживать.

Анна Андреевна Ахматова, почувствовавшая эту ноту, писала в «Поэме без героя», плотно связанной с «Пиковой дамой» Пушкина<sup>38</sup>:

А теперь бы домой скорее  
Камероновой Галереей  
В ледяной таинственный сад...  
.....  
Но, наверно, вокруг тот самый  
Старой ведьмы Пиковой дамы  
Город...

Возведенная Екатериной II Камеронова галерея и Пиковая дама соединены. Но мало ли как проявляются поэтические образы. И мало ли у кого могло быть желтое платье?

### Все оттенки желтого<sup>39</sup>

Любая из дам, широко известных, как прототипы старой графини – и Наталья Петровна Голицына, и Наталья Кирилловна Загряжская, обладала подобным туалетом. Достаточно взглянуть на работы Дмитрия Григорьевича Левицкого, чтобы понять: желтовато-серебристый шелк находился в фаворе.

Стоит ли под любой «желтой шалью» у Пушкина видеть Дарью Федоровну Фикельмон, а любой «малиновый берет» ассоциировать с Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой? Хотя на портрете будущей посланницы кисти Александра Павловича Брюллова 1825 года Долли – кстати, «горбоносая красавица с зачесанными висками» – действительно с головы до ног закутана в желтую шаль. Но этот же предмет, только более солнечных, оранжевых тонов, вьется вокруг плеч императрицы Александры Федоровны, на портрете, написанном уже Карлом Павловичем Брюлловым в 1837 году. Много раз желтая шаль повторена и в руках у супруги покойного Александра I Елизаветы Алексеевны. Так ее увидели и Владимир Лукич Боровиковский, совсем юной в 1795 году, и Джордж Доу в уже посмертном портрете 1828 года.

Тот же художник накинул желтую шаль и на локти рук Елизаветы Воронцовой на ее самом молодом портрете, который Пушкин хорошо знал. Шаль лимонного оттенка присутствует и на одном из вариантов портрета дочери графини – Софьи, заказанном художнику

<sup>37</sup> Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. СПб.: А. С. Суворин, 1885. С. 794.

<sup>38</sup> Кац Б. А. «Скрытые музыки» в ахматовской «Поэме без героя» // Советская музыка. 1989. № 6. С. 97—106.

<sup>39</sup> Автор помещает оммаж не оттенкам серого цвета из нашумевшего романа, а книге Аллы Дмитриевны Черновой «...Все краски мира, кроме желтой: Опыт пластической характеристики персонажа у Шекспира» (М.: Искусство, 1987), из которой, собственно, и родилось русское направление серии «Живая история: Повседневная жизнь человечества», в годы, когда о подобном никто и не мечтал.

Д. Каневари, накануне свадьбы девушки в 1844 году. Перешла от матери по наследству? Любители версии о «черном» ребенке графини, вновь закрыв глаза на сроки рождения младенца<sup>40</sup> и связав образы с пушкинской строфой, увидят в этих передаваемых, как эстафета, шалях глубокий смысл...

Между тем есть и другая, хорошо известная поэту дама – Софья Станиславовна Киселева, «медная Венера» – щеголявшая желтой шалью на портрете, написанном Джорджем Хейтером в 1831 году, где она представлена вакханкой в венке из жухлых виноградных листьев. Перечисления можно продолжать. Такова была мода. Тем не менее атрибут, описанный поэтом, не превращает перечисленных женщин ни в «семинаристов», ни в «академиков в чепце».

Другой пример: знаменитое изображение Елизаветы Воронцовой работы Джорджа Хейтера 1832 года в красном берете. Если просмотреть портреты 20—30-х годов позапрошлого столетия, то легко заметить, что большинство дамских головных уборов буровато-пунцово-пурпурные. Снова мода. И снова императрица Александра Федоровна, отмеченная нежным карандашом Петра Федоровича Соколова, окажется в первых рядах. В красных беретах будут щеголять и графиня Гурьева (тоже одесская знакомая Пушкина), и княгиня Строганова, урожденная Кочубей – юношеское увлечение поэта. Желание Анны Ахматовой видеть в «пунцовой токе со страусовыми перьями» Каролины Собаньской знаменитый берет<sup>41</sup> привело к поиску черт польской шпионки у Татьяны Лариной... Так что с туалетами следует обходиться осторожно, тем более что художники, создавая копии, имели привычку «переодевать» своих моделей едва ли не под цвет стен комнаты, где портрету надлежало висеть.

Однако желтое платье Екатерины II широко известно, ее и воспринимать-то принято в этом наряде. Прежде всего, желтым было венчальное платье принцессы Софьи Фредерики Августы Анхальт-Цербстской, которое и ныне хранится в коллекции Музеев Московского Кремля. В этом наряде юная великая княгиня Екатерина Алексеевна – если не «горбоносая», то длинноносая и с розой в волосах – изображена Георгом Кристофом Гроотом в 1744 году на большом полотне в овальной раме. Платье отделано бело-серебристым кружевом, его яркое, солнечное пятно сразу бросается в глаза.

Другой портрет – хрестоматийный – кисти Левицкого, созданный в 1783 году. На нем Екатерина II представлена в образе законодательницы, возжигающей фимиам у статуи богини правосудия. Пушкин видел его множество раз в Зимнем дворце, как и реплики с него в учреждениях и усадьбах<sup>42</sup>. Воистину, такая Екатерина II навязла в зубах. Это полюбившееся копиистам полотно послужило Левицкому основой для двух вариаций: поясного изображения императрицы с цепью Андрея Первозванного на груди 1784 года и «Екатерины Таврической» 1787 года, где увитый лавром меч Минервы указывает на Крым – Тавриду, осененную радугой.

Все три портрета решены в оттенках желтого. Но если у юной Екатерины Алексеевны платье, как апельсин – насыщенных тонов, то в 1780-е годы оно бледнеет, становится лунно-серебристым, оттеняя золото императорской мантии или песочно-кремовую желтизну пояса.

Особенно частым, даже официальным, стал образ мудрой законодательницы, омоложенный скульптором Федотом Ивановичем Шубиным. Фигура мраморной государыни была изготовлена по заказу светлейшего князя Григория Александровича Потемкина для знаменитого праздника в Таврическом дворце 1791 года<sup>43</sup>. Ее изваяли из «чистейшего белого мрамора», но в блеске свечей она казалась лунно-золотистой.

<sup>40</sup> Цявловская Т. Г. «Храни меня мой талисман». С. 41–44.

<sup>41</sup> Ахматова А. А. Две новые повести Пушкина // Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки / Сост., послесл. и примеч. Э. Г. Герштейн. Л.: Советский писатель, 1977. С. 192–206.

<sup>42</sup> Ныне хранится в Государственном Русском музее.

<sup>43</sup> Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла: Литература и государственная идеология России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 134–135.

Всего сказанного достаточно, чтобы понять, что Екатерина II на визуальном уровне воспринималась подданными как золотая. Золотой век. Пушкин намеренно снижает звучание цвета до желтого. Не все золото, что блестит. Более того: он вовсе убирает блеск, оставляя штукатурку желтых классических петербургских особняков. Под порывами ветра и мокрого снега штукатурка облезает...

Утвердившийся в живописи, литературе и журналистике того времени образ Екатерины-законодательницы особенно раздражал критиков ее царствования. Александр Николаевич Радищев так рисовал сон монарха в «Путешествии из Петербурга в Москву» 1790 года: «Казна, определенная на содержание всеополчения (армии. – *О. Е.*), была в руках учредителя веселостей... Милосердие мое сделалось торговлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия. <...> В созидании городов видел я одно расточение государственной казны. <...> Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная на государственные надобности не может лучше употребиться, как на вспоможение нищего, на одяние нагого, на прокормление алчущего... Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатого, на льстеца, на вероломного друга...»<sup>44</sup>

Сравним у Пушкина в заметке «О русской истории XVIII века»: «Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные такою слабостью они не знали меры своему корыстолюбию... От канцлера до последнего протоколиста все кралось и все было про-дажно»<sup>45</sup>.

Теперь переведем сказанное на обыденный уровень в повествовании о «Пиковой даме»: «Многочисленная челядь ее, разжирев и поседев в ее передней и девичьей, делала, что хотела, наперерыв обкрадывая умирающую старуху».

Так что желтое платье графини появилось совсем не случайно. Однако этого указания недостаточно. Оно вовсе не исчерпывает проблемы. Не ставит точку. Напротив, само раскрывается только в букете с другими атрибутами Старухи.

### «Фантастические попытки»

Не стоит ломиться в открытую дверь и доказывать, что пушкинское мировосприятие тесно связано с мистикой. В прошлом веке отечественным исследователям приходилось нарочито подчеркивать материализм. Порой очень важные, интересные с медицинской, психиатрической точки зрения разборы «Пиковой дамы» обесценивали себя заявлениями, будто Пушкин не склонен был верить «в чары кабалястики» или «мистику загробных откровений»<sup>46</sup>. Поместив подобную отписку, автор чувствовал себя спокойнее и даже ссылался на подобные же суждения других ученых, которые до роковой фразы посвятили свои книги доказательству обратного: «Обсуждать события “Пиковой дамы” с точки зрения их правдоподобия – идти по заранее отвергнутому Пушкиным пути», тем не менее «художественный мир Пушкина не приемлет иррационального», поэт «не соглашается признать мир принципиально необъяснимым»<sup>47</sup>.

А если его «рацио» больше, чем у обыденного человека? И то, что для нас «принципиально необъяснимо», для него прозрачно? Пушкинский мир не принимает однозначности. Не

<sup>44</sup> Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Столетие безумно и мудро: Сборник / Сост., сопровод. текст и коммент. Н. М. Рогожина; предисл. В. И. Буганова. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 156–157.

<sup>45</sup> Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 193–194.

<sup>46</sup> Вольперт Л. И. Тема безумия в прозе Пушкина и Стендаля («Пиковая дама» и «Красное и черное») // Пушкин и русская литература: Сборник научных трудов / Отв. ред. Л. С. Сидяков. Рига: Латвийский государственный университет им. П. Стучки, 1986. С. 57.

<sup>47</sup> Муравьева О. С. Фантастика в повести Пушкина «Пиковая дама» // Пушкин: Исследования и материалы: В 15 т. / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1995. Т. 8. С. 69.

терпит ограничительных ответов. Он пребывает в зыбкости, которая противоположна косности, но не целостности.

Поэт как раз интересовался каббалой, религиозным учением езидов, значениями карт таро, входил в кишиневскую масонскую ложу «Овидий». Столь занимавшая его природа таинственного нашла отражение и в «Песнях западных славян», и в «Золотом петушке», и в «Сне Татьяны». Кстати, плохо принято даже Петром Вяземским: «Фантастические попытки неудачны у Пушкина. Например, сон в Евгении Онегине»<sup>48</sup>.

В «Пиковой даме» «фантастические попытки» оказались еще дальше от традиционных романтических картин, чем было принято в ту эпоху. Они уводили читателя далеко за пределы Петербурга первой четверти XIX века, в мир не прямых, ускользающих исторических аналогий.

Имя Сен-Жермена в повести как бы служит разделительным, верстовым столбом – указывает на границу между миром обыденным и волшебным. В первой главе Томский рассказывает о бабушке: «С нею был тогда коротко знаком человек очень замечательный. Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая. Над ним смеялись, как над шарлатаном, а Казанова в своих Записках говорит, что он был шпион; впрочем Сен-Жермен, несмотря на свою таинственность, имел очень почтенную наружность и был в обществе человек очень любезный. Бабушка до сих пор любит его без памяти и сердится, если говорят об нем с неуважением». Граф помогает проигравшейся в Париже молодой красавице, открыв ей тайну трех карт.

Помимо таинственных легенд, окружавших этого блуждавшего из эпохи в эпоху героя, современникам Пушкина был известен слух, будто удивительный граф посетил Россию в 1762 году, незадолго до переворота в пользу Екатерины II, имел сношения с заговорщиками и оказал им какую-то помощь. Суть этой помощи неясна и является до сих пор предметом обсуждения в историографии, посвященной екатерининскому царствованию<sup>49</sup> или жизни самого Сен-Жермена<sup>50</sup>, который в России выступал под псевдонимом «граф Салтыкоф».

Согласно легенде, в обеих столицах в салоне Сен-Жермена собирались Голицыны, Разумовские, Остерманы, Юсуповы. Биографы таинственного графа настаивают, что Пушкин, общавшийся с некоторыми членами разветвленного семейства Голицыных, именно через них получил сведения о Сен-Жермене. Он поместил эпизод с дарением карт в Париж, поскольку подобный случай был пережит княгиней Натальей Петровной Голицыной, встречавшейся с графом во Франции и отыгравшейся благодаря названным ей трем картам<sup>51</sup>.

Итак, имя Сен-Жермена вызывало у светского читателя того времени ассоциации не только с европейскими мистиками и авантюристами, но и с таинственной стороной недавнего прошлого самой России – с переворотом 1762 года (о нем же говорит агитационная песня) и личностью Екатерины II (принявшей основной удар критики в заметке «О русской истории XVIII века»).

---

<sup>48</sup> Вяземский П. А. Записки // Пушкин в воспоминаниях современников / Ред. Игорь Захаров. М.: Захаров, 2005 (Биографии и мемуары). С. 61.

<sup>49</sup> Плугин В. А. Алехан, или Человек со шрамом: Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского: Документальная повесть с некоторой долей вымысла. М.: Международные отношения, 1996. С. 48.

<sup>50</sup> Володарская О. А. Вслед за таинственным графом // Святейшая тринософия: Кн. 1: Сборник / Отв. ред. О. А. Володарская; сост. В. В. Вергун. М.: Фонд «Дельфис», 1998. С. 500.

<sup>51</sup> Белоусов Р. С. Граф Сен-Жермен. М.: Олимп; АСТ, 1999 (Великие пророки). С. 122–123.



Граф Сен-Жермен. Гравюра Н. Томаса с оригинала П. Ротари. 1762 г.

Каббалистическое значение трех карт, подаренных старой графине, тоже вызывает ассоциации с екатерининским переворотом. Пушкин намеренно не называл мастей карт, подчеркивая тем самым, что они принадлежат к старшим арканам, и любопытный читатель должен искать их значение именно там.

Тройка символизирует «императрицу», хозяйку жизни, чья основная функция – действие. Известно высказывание Екатерины II по адресу своего колебавшегося в день переворота мужа: «Одни слабоумные нерешительны».

Семерка – это так называемая «колесница», она олицетворяет жизненный успех, победу. Колесо фортуны. Екатерину II часто изображали в колеснице, под снопами лавровых венков,

с неизбежным рогом изобилия. Самое распространенное, много раз гравированное – по оригинальному рисунку Фердинанда де Мейса – «Екатерина II, путешествующая в своем государстве в 1787 году»<sup>52</sup>. Другая, не менее знаменитая картина – «Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами» кисти Стефано Торелли 1772 года<sup>53</sup>.

Поворот колеса в сторону счастья, воспринимаемого в XVIII веке как жизненный успех, и на раззолоченной повозке оказывается Фелица. Счастливая правительница – «богоподобная царица Киргиз-Кайсацкия орды», как назвал императрицу Державин в оде «Фелица» 1782 года.

Слух идет о твоих поступках,  
Что ты нимало не горда;  
Любезна и в делах, и в шутках,  
Приятна в дружбе и тверда;  
Что ты в напастях равнодушна,  
А в славе так великодушна,  
Что отреклась и мудрой слыть...

Этой счастливой картине критики екатерининского правления, которых Державин назвал «твоих всех милостей зоилы» и сравнил с ненасытными «крокодилами», противопоставляли оборотную сторону монеты. Она-то и показана в сочинениях Михаила Михайловича Щербатова, Шарля Массона, а по их следам и – молодого Пушкина. По мановению руки волшебника Сен-Жермена «колесница» покатила к победе. Но возможно было и обратное движение...

Туз – либо «правосудие», справедливое воздаяние за дела. Либо «маг», воля, побуждение к действию<sup>54</sup>. Подтолкнувший к роковому шагу изобретатель философского камня – в повести Сен-Жермен. Однако сколько колеснице ни катить, сколько Фортуне ни крутить колесо на счастье – впереди маячит «правосудие».

Благодаря значениям карт за спиной старой графини вырисовывается образ, отрешенный от сиюминутной петербургской жизни. Это «императрица», чей «жизненный успех» был обеспечен подарком или помощью Сен-Жермена и которая, правильно использовав данные карты, получила «справедливое воздаяние» – победу.

### «Чертог сиял»

На Екатерину II указывает и ряд второстепенных деталей повести, где карточная игра вбирает в себя понятие игры жизненной, борьбы за власть и богатство, схватки за царский венец. Оборот речи «тогда дамы еще понтировали», описывающий появление графини в Версале на карточной игре у королевы, иносказательно воспринимается так: тогда дамы еще участвовали в политике, боролись за корону. Ситуация, естественная для русского XVIII века, но отошедшая в прошлое после указа Павла I о престолонаследии, запретившего передавать корону по женской линии.

Даже название игры, которую ведет молодая графиня при французском дворе – «фараон», адресуется к понятиям царской власти и короны. Заметим: офицеры из эпиграфа к первой главе «Пиковой дамы» играют в ту же игру, что и графиня «лет шестьдесят назад» – это лишний раз указывает на борьбу за власть. Игра азартная, рассчитанная на риск и выигрыш

---

<sup>52</sup> Екатерина Великая и Москва: Каталог выставки: Июль – сентябрь 1997 года. М.: ГТГ, 1997. С. 165.

<sup>53</sup> Там же. С. 89.

<sup>54</sup> Энциклопедия мистических терминов / Авт. – сост. С. Васильев и др. М.: Астрель; АСТ, 1998. С. 471.

как улыбку счастья, которую нельзя интеллектуально рассчитать, предвосхитить<sup>55</sup>. Такие игры, в отличие от солидных коммерческих, где победа строилась на продуманной стратегии, были запрещенными – как и деятельность тайных обществ.

«Фараон» – не самое распространенное название. Куда чаще употреблялись другие – «банк», «штосс» или просто «фаро»<sup>56</sup>. Но Пушкин предпочел именно это, следовательно, оно было говорящим. Двигаться по пути ассоциаций опасно: могут возникнуть ложные. Поэтому укажем только те, что безусловны. Египетские таинства занимают большое место в масонской традиции, ссылка на них маркирует необходимость орденового прочтения если не всего текста, то истории карт.

Фараоном – царицей Египта была знаменитая Клеопатра, чья любовная распущенность, как и сладострастие Екатерины II, стала легендой. Пушкин несколько раз обращался к сюжету римского автора IV века Аврелия Виктора о том, что Клеопатра продавала свои ночи ценой жизни любовников. Впервые поэт затронул его осенью 1824 года, едва приехав в Михайловское из Одессы. Второй случай – стихотворение «Чертог сиял» 1828 года. Оно и было включено редакторами в повесть «Египетские ночи», которую относят к сентябрю – октябрю 1835 года.

Царица предстает молодой и прекрасной. Как графиня в парижском эпизоде. Как Екатерина II в момент переворота. «Сердца неслись к ее престолу» – утверждение, тождественное обожанию подданных, которым была окружена императрица при жизни.

Рекла – и ужас всех объемлет,  
И страстью дрогнули сердца...  
Она смущенный ропот внемлет  
С холодной дерзостью лица,  
И взор презрительный обводит  
Кругом поклонников своих...

Так описана Клеопатра, сообщившая о своем желании приступить к «торгу страстному». Но так же вела себя и Екатерина Алексеевна, испытывая, кто из будущих заговорщиков (некоторые мнили себя, а иные и являлись ее избранниками) готов пожертвовать собой ради возведения на престол своей госпожи. С античных времен женщина служит скрытым синонимом власти. Обладание ею, получение ее иносказательно трактуются как приобретение венца, борьба за него. Отсюда «странные сближенья» в «Графе Нулине» с событиями 1825 года и с шекспировской «Лукрецией», посвященной изгнанию царей из Рима. Описание Клеопатры сохраняет этот мотив:

В моей любви для вас блаженство?  
Блаженство можно вам купить...  
Внемлите ж мне: могу равенство  
Меж нами я восстановить.

Слово «блаженство» часто употреблялось в агитации тайных обществ. На собраниях «в ненастные дни» рассуждали о «грядущем блаженстве», которое ждет Россию под республиканским правлением. «Купить» его можно кровью – своей и тирана. К этому же смысловому узлу тяготеет и слово «равенство», которое царица предлагает «восстановить» между собой и любовниками, готовыми заплатить жизнью. Именно «восстановить», поскольку изначально,

---

<sup>55</sup> Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя... С. 792–793.

<sup>56</sup> Вишгородов В. В. Сталь «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии: В 5 т. / Ред. Ю. Г. Оксман. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936–1941. Т. 2. С. 76.

в соответствии с просветительской философией, все люди были равны, а потом цари «похи-тили» себе право распоряжаться другими.

Перечисление будущих любовников Клеопатры очерчивает круг тех, кто попадет в число заговорщиков. «Флавий, воин смелый» – эдакий римский аналог Михаилу Федоровичу Орлову или Михаилу Сергеевичу Лунину. «Критон, молодой мудрец... певец Харит, Киприды и Амура» – за этим образом и Вильгельм Карлович Кюхельбекер, и Бестужев, и Александр Иванович Одоевский, и, наконец, сам Пушкин.

Последний имени векам  
Не передал. Его ланиты  
Пух первый нежно оттенял... —

а это все безымянные мальчики, которые попали в тайные общества, сами не ведая при-чины своего недовольства.

И с умилением на нем  
Царица взор остановила.

В данном случае, Клеопатра – Судьба, которая выбирает лучших и не щадит их.

– Клянусь... – о матерь наслаждений, —

пропуск сделан поэтом совсем не случайно. Ах да, «матерь наслаждений», но что под-разумевалось там, где ныне многоточие? «Клянусь...» «Клятва Горациев» – самая республи-канская картина Жака Луи Давида 1784 года, хорошо известная в России по гравюрам. Канун французской революции, художник в Риме, исторический ветер веет над ним, еще не став вью-гой, еще не принеся с собой Бонапарта, еще не обдавая гарью оставленной Москвы. Большие надежды.

Теперь из урны роковой  
Пред неподвижными гостями  
Выходят жребии чредой.

Мы заранее знаем: «Глава счастливых отпадет» – «иных уж нет, а те далече» – кому на виселицу, кому в Сибирь.

У клятвы Клеопатры есть одна особенность. Царица обращается не только к «мощной Киприде», она призывает: «И вы, подземные цари, / И боги грозного Аида» – то есть силы нижнего мира. Египетская владычица выступает их эмиссаром и просит покровительства у ада, именно ему она «неслыханно служит». Так ее образ приобретает налет инфернальности, как у старой графини в «Пиковой даме».

Расковав переворотом 1762 года, свержением законного, пусть и слабого государя, тем-ные силы – «богов грозного Аида», Екатерина II приглашает их в русскую историю. «Ее велико-лепие ослепляло, – писал Пушкин, – приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество... Много было званых и много избранных»<sup>57</sup>.

---

<sup>57</sup> Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 192–193.

## «Медведиха»

Заданная импровизатору тема «Клеопатра и ее любовники» тождественна теме Екатерины II и ее фаворитов. В неоконченном отрывке «Мы проводили вечер на даче» возникают подробности «египетских ночей» Клеопатры: «Восходит месяц златорогий» и «Блестит ложе золотое». Вновь золото, отсылающее к желтому. А вот «месяц златорогий» поведет нас к английским карикатурам конца XVIII века, где Екатерина II предстает в образе Дианы с двурогой луной над лбом. Она же – медведица с человеческой головой – не только Россия, но и Диана Медвежья.

Редчайший случай для британской карикатуры, главным образом, посвященной внутренним событиям – не только частое обращение к иностранному монарху, но и отождествление этого монарха с дьявольской силой. Как на картинке, где черт предлагает Екатерине II на выбор Константинополь или Варшаву. А также в карикатуре «Смерть Екатерины», когда душу царицы уносит демон<sup>58</sup>. Видимо, Екатерина II сильно усложнила жизнь «тех островов».

Пушкин был знаком с пластом этих источников, что доказывают его строки 1830 года в «Литературной газете»: «Англия есть отечество карикатуры и пародии»<sup>59</sup>. Косвенно это подтверждается его профилем Павла I, который восходит к британскому изображению<sup>60</sup>.

Уподобление медведице впервые появилось у Державина, причем в негативном ключе – де, Екатерина не такая: «Медведице прилично дикой / Животных рвать и кровь их лить». Британские карикатуры, а вместе с ними и молодой Пушкин считали, что именно такая: реки крови текут вокруг Екатерины на картинках, посвященных ее войнам. «Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа», – сказано в заметке «О русской истории XVIII века». В черновике первоначально было: «усмиренная Турция»<sup>61</sup>, но пропало, потому что уже в 1821 году Турция вновь показывала поработанным грекам крутой нрав, начав резню. Требовалось новое «усмирение», от которого Александр I уклонился и которое выпало на долю Николая I в 1828 году. Но пока об «Олеговом щите» Пушкин не думал. Острие его критики направлено против Екатерины II.

Тот факт, что Швеция нанесла первый удар, когда Россия была занята войной с Османской Портой (тоже дважды нападавшей первой), а также то, что, скрестив оружие с северными, южными и западными соседями, Екатерина II как раз продолжала традицию Московского царства, за которую в социальной сфере ратовал молодой вольнодумец, пока не заботили поэта. В 20-е годы XIX века в Кишиневе ссыльный искал хлесткости, а не обоснованности суждений, превращая текст в памфлет. Так, в черновике он укажет 200 тысяч розданных императрицей крестьян, в первом, отброшенном варианте – 300 тысяч, но уже в окончательной версии – «около миллиона»<sup>62</sup>. Почему не десять? И как более чем спорные 200 округляются до миллиона?

Не следует думать, будто с годами Пушкин кардинально изменил свои взгляды. Он их углубил и остудил прежнюю запальчивость. Но ядро критики оставил. Упоминание в первом отрывке о Клеопатре «александрийских чертогов» косвенно подтверждает мнение, будто под раздражением против Екатерины II поэт скрывал острое неприятие Александра I, ее внука, чье

<sup>58</sup> Успенский В. М., Россомахин А. А., Хрусталева Д. Г. Имперский шаг Екатерины: Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб.: Арка, 2016 (Россия глазами Запада). С. 130–131, 136–137, 148–150, 182–183, 192–193.

<sup>59</sup> Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. С. 192.

<sup>60</sup> Успенский В. М., Россомахин А. А., Хрусталева Д. Г. Указ. соч. С. 252.

<sup>61</sup> Эйдельман Н. Я. «По смерти Петра...» // Прометей. Историко-биографический альманах: Т. 10. С. 328.

<sup>62</sup> Фейнберг И. Л. Неизданный черновик Пушкина // Вестник АН СССР. 1956. № 3. С. 118–121.

царствование считали продолжением дел бабушки<sup>63</sup>. Шарль Массон, чьи «Секретные мемуары о России...» послужили отправной точкой многих выводов молодого Пушкина, еще до памфлета, будучи учителем математики при старших великих князьях, посвятил юному Александру Павловичу оду, написанную александрийским стихом. Лъстец!

Так что переключка «александрийский» – «александровский» в литературной традиции уже существовала. Как отождествление Екатерины II с медведицей – в карикатурной.

Заглянем в «Сказку о медведихе», написанную осенью 1830 года в Болдине, где одновременно шла работа над «Пиковой дамой», «Медным всадником» и «Сказкой о рыбаке и рыбке». Там мать говорит медвежатам: «Уж как я вас мужику не выдам / И сама мужику [хуй] выем».

Медведиха покушается на мужское достоинство своего врага, хочет не только убить его, защищая своих «глупых медвежатухек», но и лишит полового признака. Совершенно уничтожить. Екатерина II присвоила царский титул, который не годился ей как женщине (об этом много писал Михаил Щербатов), звание полковника лейб-гвардии, облачилась, как мужчина, в мундир и по-мужски села на лошадь, что отражено на знаменитом портрете Вигилиуса Эриксона 1762 года, а также в агитационной песне:

А жена пред дворцом  
Разъезжала верхом  
Лихо.

### «Род третьего состояния»

В таком перевернутом мире страдают в первую очередь те, кому искони судьбой доверено поддерживать правильный порядок вещей. Пушкин дважды повторяет в заметке: «Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их за счет народа и унизила беспокойное наше дворянство»; «...Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам...» Ничего подобного не происходило, но для молодого вольнодумца и слуха достаточно, а в той среде, к которой принадлежал ссыльный поэт, слухи намеренно подогревались.

Однако старинное дворянство «упадало», как выразился Александр I, и без пощечин от фаворитов. Тема унижения и оскудения коренных родов – одна из острейших для Пушкина. Он много раз обращался к ней, настаивая, что «аристократия чиновная не заменит аристократии родовой». В «Египетских ночах», где, как и в «Пиковой даме», дано два пласта реальности – Петербург первой четверти XIX века и древность времен Клеопатры – и где, как оказывается, египетское прошлое настолько же связано с переворотом Екатерины II, как и история старой графини, главный герой литератор Чарский рассуждает с заезжим итальянцем: «Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа...»

В этих самолюбивых словах много скрытой боли. На губах Чарского закипает пенка длинного рассуждения из «Романа в письмах» 1829 года, но сама мысль остается невысказанной. Зачем она иностранцу? Целиком же ее записывает Владимир, обращаясь к другу:

«Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждался, внук идет по миру. Древние фамилии приходят в ничтожество; новые подымаются и в третьем поколении исчезают опять. Состояния сливаются, и ни одна фамилия не знает своих предков...»

Я без прискорбья никогда не мог видеть уничтожение наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат. <...> Семейственные воспо-

<sup>63</sup> Эйдельман Н. Я. «По смерти Петра...» // Прометей. Историко-биографический альманах: Т. 10. С. 329.

минания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа. Но каковы семейственные воспоминания у детей коллежского асессора?»

Это продолжение ответа другому иностранцу, на сей раз испанцу, в еще одном неоконченном тексте «Гости съезжались на дачу...» 1828 года. Испанец задается вопросом: что такое русская аристократия? «Кажется, между вашим дворянством существует гражданское равенство, и доступ к оному (дворянству. – *О. Е.*) ничем не ограничен, – говорит он. – На чем же основана ваша так называемая аристократия, – разве только на одной древности родов?»

Собеседник с горечью смеется в ответ: «...Древнее русское дворянство... упало в неизвестность и составляет род третьего состояния. Наша благородная чернь... считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха... Корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах истории нашей. Но если бы я подумал назвать себя аристократом, то, вероятно, насмешил бы многих. Но настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда. Древние роды их восходят от Петра до Елисаветы. Денщики, певчие, хохлы – вот их родоначальники... Мы так положительны, что стоим на коленях перед настоящим случаем, успехом и... Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди».

Перечисление того, перед чем преклонялись современники Пушкина – «случаем, успехом и...» – заключает в себе императорских любимцев, вышедших из денщиков, певчих и хохлов в противоположность древним родам, которые числили себя от Рюрика и Мономаха. Подлость происхождения превращалась в подлость души у их потомков, лишенных благородных воспоминаний древности. Чем станет народ без памяти? То есть без настоящего дворянства? Игрушкой чужого честолюбия.

Кого винить в случившемся? Екатерину II, поставившую в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 года выслуженные чины выше старых титулов – «...унизила дух дворянства». Все благородное сословие было разделено ею на шесть групп. В последнюю попали те, чье высокое происхождение уходило в глубь веков. Законы о местничестве были отодвинуты, возникли 15 документальных доказательств – грамоты и патенты, которые соискатель должен был предоставить, чтобы подтвердить статус<sup>64</sup>. Не стоит пугаться: было достаточно и одного, до современной бюрократии дело не доходило. Однако те, кто привык просто считать себя благородным, оказались вынуждены порыться в сундуках: «Под гербовой моей печатью / Я кипу грамот схоронил...»

Екатерина решала вопрос о привлечении дворянства к службе, маня его чинами и пожалованными титулами. Но родовое, коренное, уже обиженное Петром I «боярство», желавшее век оставаться в деревне, конечно, было унижено. Оно хирело, теряя прежние состояния и силу.

Проблема измельчания коренного дворянства, превращавшегося в род «третьего состояния», в мещан, напрямую связана у Пушкина с проблемой переворотов и мятежей. Он видел восстание 14 декабря 1825 года продолжением дворцового переворота 28 июня 1762 года. В материалах к статье «О дворянстве» поэт набросал: «ПЕТР. Уничтожил дворянство чинами... Падение постепенное дворянства: что из этого следует? восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.»<sup>65</sup>.

Предполагаемое «так далее» описано в разговоре с великим князем Михаилом Павловичем: «Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно... Если во дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин... по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать», поскольку «все будут

---

<sup>64</sup> Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002 (Historia Rossica). С. 471–473.

<sup>65</sup> Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. С. 354.

дворянством». А это сословие хочет править державой, соперничая с царем. «Что же значит наше старинное дворянство с именьями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью против аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много». Пушкин прямо заострил внимание на собственном происхождении: «Мы такие же родовитые дворяне, как император и вы». И заметил: «Все Романовы революционеры и уравниатели»<sup>66</sup>. Тут отсылка и к Петру с его реформами, и к Екатерине с ее переворотом.

«Тайное недоброжелательство» русского коренного дворянства к короне тоже следует учесть. Мы будем не раз фиксировать формы этого чувства, подчеркивая многозначность пушкинского эпиграфа к повести. Хотя ни в одной современной поэту «новейшей гадательной книге» такого значения Пиковой дамы нет<sup>67</sup>.

### «Варварство мужа»

Разговор с Михаилом Павловичем состоялся в декабре 1834 года, а весной этого же года, как раз накануне выхода «Пиковой дамы», Пушкин болезненно интересовался вопросами царевубийства.

Перевороты стали причиной создания безродной, лишенной воспоминаний прошлого аристократии. Если учесть «славный 1762 год», в черновиках к «Дубровскому», разделивший самодура Троекурова и отца главного героя<sup>68</sup>, то мятежи виной распаду и унижению истинного дворянства – опоры нации. Взрывы провоцировались с помощью заезжих эмиссаров, вроде «чудака» Сен-Жермена, представлявшего египетские мистерии и «подземных царей». Добра чужой стране они желать не могли.

«Единственная цель моей политики в отношении России, – писал в 1762 году французский король Людовик XV (покровитель Сен-Жермена) своему посланнику в Петербурге барону Луи Огюсту де Бретейлю, – состоит в том, чтобы удалить ее как можно дальше от европейских дел... Все, что может погрузить русский народ в хаос и в прежнюю тьму, выгодно для моих интересов»<sup>69</sup>.

Чуть ранее он объяснял министру иностранных дел графу Огюсту де Шуазелю: «Что до России, то мы причисляем ее к рангу европейских держав, только затем, чтобы исключить потом из этого ранга и отказать ей даже в праве помышлять о европейских делах... Пусть она впадет в летаргический сон, из которого ее будут пробуждать только внутренние смуты, задолго и тщательно подготовленные нами. Постоянно возбуждая эти смуты, мы помешаем правительству московитов помышлять о внешней политике»<sup>70</sup>. В другом переводе на месте «смут» стоят «конвульсии».

Такое отношение легко назвать «тайным недоброжелательством», ведь Россия и Франция в годы Семилетней войны – союзники. Пушкин не знал слов Людовика XV, но обдумывал ситуацию с переворотами так, как если бы знал и рассматривал как опасность самой жизни страны.

Окажись Екатерина II менее сильным правителем, а Россия – тем, за что ее принимали – и упования Людовика XV могли оправдаться. Впрочем, цель достигается не с одного удара.

<sup>66</sup> Пушкин А. С. Дневник // Поэт, Россия и цари: Сборник / Сост., послесл., глоссар. В. Наумова. М.: Фонд Сергея Дубова, 1999 (История России и Дома Романовых в мемуарах современников: XVII–XX). С. 37–38.

<sup>67</sup> Виноградов В. В. Сталь «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии: В 5 т. Т. 2. С. 94.

<sup>68</sup> Есипов В. М. Пушкин в зеркале мифов. С. 208.

<sup>69</sup> Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке. М.: Наука, 1995. С. 289.

<sup>70</sup> Семина В. Подложное завещание Петра Великого // Дуэль. 2008. № 15. С. 7.

Впереди, за переворотом 1762 года, согласно Пушкину, маячили 11 марта 1801-го, 14 декабря 1825-го и новые «конвульсии».

Заезжие эмиссары выбирали кандидатов. Великая княгиня Екатерина Алексеевна до поры казалась подходящей. Сен-Жермен в повести помог графине после того, как та сама попросила:

«Она решилась к нему прибегнуть. <...>

Старый чудак явился тотчас и застал в ужасном горе. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа и сказала наконец, что всю свою надежду полагает на его дружбу».

Многие страницы мемуаров Екатерины II, с которыми был знаком Пушкин, показывают именно «варварство мужа», описанное «самыми черными красками». В 1835 году поэт давал их читать великой княгине Елене Павловне, жене Михаила Павловича, даме умной и честолюбивой, которая сама была бы не прочь сыграть аналогичную Екатерине II роль. Но времена изменились. «Великая княгиня взяла у меня записки Екатерины II и сходит от них с ума»<sup>71</sup>. Отстраненный тон показывает, что Пушкин не очаровался откровениями будущей императрицы.

В «Записках» Екатерины II есть примечательный момент, когда знакомый дипломат объясняет ей, как перестать страдать из-за нападок Елизаветы Петровны, ее двора и пренебрежения мужа. Сама она приписывает главный вывод из разговора себе:

«Я решила дать почувствовать тем, которые мне причинили столько различных огорчений, что от меня зависело, чтобы меня не оскорбляли безнаказанно... <...>

...я держалась очень прямо, высоко несла голову, скорее как глава очень большой партии, нежели как человек униженный и угнетенный»<sup>72</sup>.

Что заставило великую княгиню изменить поведение? «Она была в отчаянии, когда судьба привела в Россию кавалера Уильямса, – писал секретарь французского посольства Клод Рюльер, – английского посланника... который осмелился ей сказать, что кротость есть достоинство жертв, ничтожные хитрости и скрытый гнев не стоят ни ее звания, ни ее дарований; поелику большая часть людей слабы, то решительные из них одерживают первенство; разорвав узы принуждения... она будет жить по своей воле»<sup>73</sup>.

Новый английский посланник сэр Чарлз Хэнбери Уильямс прибыл в Россию весной 1755 года. Екатерина сразу выделила его из круга иностранных министров. На празднике в Ораниенбауме по случаю именин великого князя «у нас с ним был разговор столь же приятный, сколь и веселый»<sup>74</sup>, – вспоминала она о новом знакомом.

Уильямс словно дарит Екатерине тайну карт, исполнив в реальной жизни роль Сен-Жермена. «Записки» императрицы начаты знаменитым вступлением:

«Счастье не так слепо, как его себе представляют... А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения. Чтобы сделать это более осязательным, я построю следующий силлогизм:

Качества и характер будут большей посылкой;

Поведение – меньшей; счастье или несчастье – заключением..

Вот два разительных примера:

Екатерина II,

Петр III».

Императрица знала себе цену. И три «карты», приведшие ее к победе – к счастью, названы точно: «качества», «характер», «поведение». Эта сентенция заслуживает того, чтобы

<sup>71</sup> Пушкин А. С. Дневник // Поэт, Россия и цари. С. 38.

<sup>72</sup> Екатерина II. Сочинения / Сост. и вступ. ст. О. Н. Михайловой. М.: Советская Россия, 1990. С. 386.

<sup>73</sup> Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России 1762 года // Екатерина II и ее окружение: Сборник статей / Сост., вступ. ст. и примеч. А. И. Юхта. М.: Пресса, 1996. С. 54.

<sup>74</sup> Екатерина II. Указ. соч. С. 392.

поставить ее в параллель с размышлениями Германна из «Пиковой дамы»: «Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усемерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!»

Покой и независимость – именно то, чего великая княгиня искала, когда получила совет от сэра Уильямса. В ее рассуждении о счастье сказано: «Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию».

Оказывается, у императрицы с Германном много общего – оба полагались на выстроенную стратегию. Наследственность? Пушкин же описывал разрушительное действие случая: кому-то он улыбается, кому-то нет.

### **«Умер в нищете»**

Кому графиня могла передать тайну трех карт? Наследники ничтожны. Как в заметке Пушкина: «Ничтожные наследники северного исполина». Томский рассказывает: «У ней было четверо сыновей... все четыре отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны... Покойный Чаплицкий, тот самый, который умер в нищете, промотав миллионы, однажды, в молодости своей, проиграл – помнится, Зоричу – около трехсот тысяч. Он был в отчаяние. Бабушка, которая всегда была строга к шалостям молодых людей, как-то сжалилась над Чаплицким. Она дала ему три карты, с тем чтоб он поставил их одну за другой, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкий... отыгрался и остался еще в выигрыше».

То, что для героини Пушкина «карта», для ее августейшего прототипа «власть». Екатерина II тоже не хотела передавать корону своему сыну – заядлому игроку в политику. Если отсчитать искомые «лет шестьдесят» от времени действия повести, то получатся 70-е годы XVIII века, точнее 1772—1775-й – период целого букета заговоров в пользу подросткового наследника престола Павла Петровича. Только пришедший к власти в 1774 году Григорий Потемкин сумел постепенно обуздать сторонников цесаревича и загнать непрерывно тлевшее возмущение в подполье. Отчего оно, впрочем, не стало меньше. Поэтому, помимо прочего, «тайная недоброжелательность» – это и отношение Павла к матери, и отношение августейшей матери к Павлу.



Император Павел I. *С. Тончи. Около 1800 г.*



Императрица Мария Федоровна. Э. Л. Вижье-Лебрён. 1796 г.

Получив корону, вопреки воле императрицы, после ее смерти в 1796 году Павел I вскоре утратил венец, а вместе с ним и жизнь. История «курносого злодея» и связанные с переворотом 1801 года прототипы еще ожидают нас впереди. А пока остановимся на Чаплицком. Тайна, обойдя официальных наследников, как будто вильнула в сторону.

Польская фамилия благодетельствованного старухой молодого повесы уводит читательские ассоциации к Речи Посполитой, пережившей в царствование Екатерины II три раздела. А фамилия карточного соперника Чаплицкого – Зорича – в лагерь екатерининских фаворитов.

Семен Гаврилович Зорич, уже по окончании случая, устроил в своем имении в Шклове в Белоруссии настоящий игорный рай, так что Шклов именовали «русским Монако». В параллель встает решение Германна: «Он стал думать об отставке и о путешествии. Он хотел в открытых игрецких домах Парижа вынудить клад у очарованной фортуны». Однако «в Москве составилось общество богатых игроков, под председательством славного Чекалинского...» Чекалинский – современный Пушкину аналог Зорича. Обоим улыбнулось счастье – в игре или в политике. Даже место жительства Зорича – на бывших польских землях, отошедших к России по разделам и пожалованных минутному любовнику царицы – наводит на польский след.

Последний король Речи Посполитой Станислав Август Понятовский, давний возлюбленный Екатерины в бытность ее еще великой княгиней, получил свою корону из рук российской государыни с условием, что он останется во всем послушен петербургскому кабинету и не будет принимать участия в политических интригах, то есть не станет «впредь уже никогда... играть». Станислав Август действительно «промотал миллионы», но, нарушив запрет своей благодетельницы и пустившись в политику, то бишь снова принявшись за «игру», потерял все. Фигурально выражаясь, он «умер в нищете» – лишился страны и окончил дни в изгнании, проживая то в Петербурге, то в Твери.

О польских ассоциациях в «Пиковой даме» мы еще поговорим, касаясь основного временного потока повести, то есть конца 20-х – начала 30-х годов XIX века. Что же касается Екатерины II, то ее в пушкинскую эпоху считали виновницей уничтожения государственности соседей. Что неверно. По разделам императрица забрала у Речи Посполитой земли, населенные не поляками и не католиками, а православными украинцами и белорусами. Эти территории легко срастались с Россией. Она даже требовала у корреспондентов поздравить ее с древней «русской колыбелькой» – то есть с присоединением очага, из которого, собственно, и произошла Русь. Но коронной Польши – «польской колыбельки» – Екатерина предусмотрительно не тронула. Чужое сердце забилося на окраинах империи после победы над Наполеоном, по решениям Венского конгресса в 1815 году отдавшего основные земли Польши – России.

Строго говоря, винить следовало Александра I, добивавшегося соединения двух государств под одной короной. Но виноватой называли именно «бабушку», поскольку она начала дело. Масть карты – пики – имеет более благородное название: вины. Ее рисунок напоминал лист винограда. Понятие перешло в русский язык из польского, где, как и у нас, слово «вино» и «вина» звучат похоже. Сравним: вино – *wino*; виновник – *oszczie winy*; дама виной – *pani winy*. Игра слуховых ощущений – виноватая дама. Отсюда еще одна форма «тайной недоброжелательности». Доброго отношения быть не могло: оба народа претендовали на одни и те же земли. А «тайной» вражда стала, потому что в явном столкновении Польша много раз была побеждена и могла сопротивляться только скрыто. «У раба лишь одно есть оружие – измена», – писал Адам Мицкевич. Эта измена в теле России возникла, по мнению современников Пушкина, по вине Екатерины II.

Лицом к императрице от «Пиковой дамы» читателя поворачивает и образ старой «барской барыни», «ровесницы покойницы», провожавшей графиню в последний путь. «Две молодые девушки вели ее под руки, – сказано в повести. – Она не в силах была поклониться до земли, – и одна пролила несколько слез, поцеловав холодную руку госпожи своей». Само по себе присутствие старых слуг, посевших вместе со своими господами, было явлением заурядным. Екатерина II держала возле себя именно таких людей. В день ее смерти пожилые камердинеры, находившиеся в императорских покоях, положили тело разбитой ударом хозяйки на матрас и тянули из уборной (помещения с уборными, а вовсе не клозета) в комнаты.

Возле Екатерины II существовала довольно известная личность – Марья Саввишна Перексихина, чья самоотверженная преданность умирающей государыне была отмечена даже недоброжелателями из окружения Павла I. Федор Васильевич Ростопчин писал: «Твердость духа сей почтенной женщины привлекала многократно внимание всех, бывших в спальне.

Занятая единственно императрицей, она служила ей так, как будто ежеминутно ожидала ее пробуждения, сама поминутно подносила платки, коими лекари вытирали текущую изо рта материю, поправляла ей то руки, то голову, то ноги»<sup>75</sup>. Перекусихина доживала век в Москве, удивляя современников молчаливостью насчет скончавшейся императрицы. Не вызывало сомнений, что она многое знает, но так никому и не открывает «тайн своей госпожи».

Люди вольных воззрений называли Перекусихину «проб-дамой», считая, что новые фавориты попадали к императрице после аттестации у верной служанки (Шарль Массон поставил на ее место фрейлину Анну Степановну Протасову)<sup>76</sup>. В этом смысле любопытно, что Германн, раздумывавший, а не сделаться ли любовником 87-летней старухи, подошел к ее гробу сразу после барской барыни.

Екатерининская тема в «Пиковой даме» оказалась особенно понятной представителям русских масонских кругов. Недаром Петр Ильич Чайковский в опере увеличил долю сцен, происходивших в XVIII веке, по сравнению с повестью. Он даже придумал пышный эпизод приезда императрицы на бал, вырезанный в советское время, несмотря на восхитительное музыкальное решение.

Если учесть, что на так называемый «петербургский текст» опера Чайковского повлияла не в меньшей – а на Ахматову в большей степени, чем сама пушкинская повесть, то допустимо говорить и о екатерининских реминисценциях у Достоевского, Блока, Бенуа, Белого.

---

<sup>75</sup> Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: Биографии и портреты: По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» / Сост. Е. Ф. Петина. СПб.: Лениздат, 1996. С. 48.

<sup>76</sup> Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 63.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.